

*V.V. Vyatkin***Великий князь Сергей Александрович:  
к вопросу о его нравственном становлении***V.V. Vyatkin***The Great Prince Sergey Alexandrovich:  
About His Moral Formation**

Рассматривается первоначальный период жизни великого князя Сергея Александровича (1857–1905), сына императора Александра II: с 1860 до апреля 1877 г. Анализируются различные факторы, влиявшие на его нравственное становление. Интерес к великому князю обусловлен как его личной незаурядностью, так и высокими постами, которые он занимал в государстве. За основу взяты материалы Государственного архива РФ. Переводы с французского и немецкого сделаны автором статьи.

**Ключевые слова:** нравственное становление, педагогическая система, воспитание, педагог.

Главный источник информации о великом князе Сергее Александровиче – его дневник, который велся десятки лет. Дневник говорит о глубинных переживаниях Сергея. Перед нами предстает яркая самобытная натура. Дневник стал любимым собеседником, другом, голосом обостренной совести. Он заполнялся вечером или ночью; случалось, под утро, когда, уставший, он превозмогал себя. Встречается запись: «Очень хочется спать!» Иногда: «Скоро петухи запоют». Ведение дневника стало насущной потребностью. «Мой милый журнал кончается! Ужасно грустно с ним расставаться! – пишет он весной 1874 г. – Старый друг лучше новых двух» [1, л. 89]. Но *finis coronat opus*<sup>1</sup>, – не сомневался он. Перерывы в ведении дневника были безвременьем, и он старался их избегать. Строгие требования предъявлял к себе автор, не соглашался оставлять страницу недоконченной. Искренность Сергея не вызывает сомнений: дневник во многом исповедален; порой автор весьма самокритичен – ругает себя за непостоянство, за равнодушие к окружающим; порой беспощаден к себе. Дневник великого князя – не констатация фактов, не хроника великосветской жизни, как дневники других Романовых. Сергей был склонен к рефлексии; не размышлять, не анализировать просто не мог. Высокого накала достигала его впечатлительность; иные дневниковые записи дышат поэзией.

В последние годы Новоспасский монастырь в Москве издает материалы к биографии великого князя,

<sup>1</sup> Конец – делу венец (лат.).

This article is devoted to the initial period of life of the Great Prince Sergey Alexandrovich (1857–1905), the son of Emperor Alexander II: from 1860 until April 1877. The various factors affecting his moral formation are studied. The interest to the Great Prince is due to both his personal originality and high position in the state. The article is based on the material from the State Archive of the Russian Federation. The translations from French and German are made by the author of the article.

**Key words:** moral formation, educational systems, education, and teacher.

публикуя и выдержки из его дневника [2]. Но купюры, которые позволяют себе издатели, не дают возможность получить целостное представление о Сергее.

Воспитание юных Романовых всегда считалось делом едва ли не государственной важности. Привлекались лучшие педагоги и преподаватели. При всем том в воспитании великого князя Сергея непосредственно участвовала его мать императрица Мария Александровна. Вот что сообщил брат Сергея Александр III: «Сколько бывало разговоров самых разнообразных, задушевных; всегда мама выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила, что ответить, успокоить, побранить, одобрить – и всегда с возвышенной... точки зрения» [3, с. 97].

Когда Сергею было три года, к обязанностям его воспитательницы приступила фрейлина императрицы А.Ф. Тютчева – дочь известного поэта. Глубоко верующая, преданная России, она оказала на Сергея во многом полезное влияние. Обоснованно говорили о благородстве ее чувств [4, с. 293].

При достижении мальчиком семи лет (29 апреля 1864 г.) его воспитателем стал морской офицер Д.С. Арсеньев (1832–1915)<sup>2</sup>. История назначения проста. Сестра офицера давала Тютчевой читать его письма, сообщавшие о многом. Он говорилл в них о себе: «Я нахожу утешение и поддержку в вере

<sup>2</sup> В момент назначения воспитателем Арсеньев был в чине капитан-лейтенанта. В дальнейшем генерал-адъютант, вице-адмирал, руководил Николаевской морской академией.

и молитве, стараниях соблюсти себя в чистоте и благочестии...» [4, с. 268]. Оценив душевный строй Арсеньева, Тютчева предложила императрице пригласить его воспитывать сына. Беседа Марии Александровны с офицером расставила точки над «i». «Буду счастлив принять эту должность, к которой чувствовал всегда такое влечение», – признался он [4, с. 404].

Обязанности воспитателя он выполнял до двадцатилетия Сергея; последующие пять лет был его попечителем. Перед официальным вступлением в должность его пригласили приезжать к Сергею ежедневно часа на два – для начального испытания. Офицер находился под сильным психологическим гнетом: каждое слово в общении с ребенком оценивала Тютчева, «впечатлительная и нервная» [4, с. 420]. Присматривалась к нему и императрица. Хорошо зная нравственную природу мальчика, они с Тютчевой говорили Арсеньеву о характере Сергея, не забывая о его недостатках. Он и сам узнавал Сергея – «доброе, чрезвычайно сердечное и симпатичное дитя» [4, с. 420]. Не сокрыта была и привязанность мальчика к своим ближайшим родственникам, в первую очередь к матери, чье мнение было для Арсеньева особенно авторитетным и чьи несомненные достоинства настаивали его почитать ее как святую. Исполнителем предначертаний императрицы он и видел себя в воспитании.

Не обученный педагогике Арсеньев много читал специальной литературы, общался с профессионалами. Опыт других великокняжеских педагогов его также интересовал, например опыт воспитателя великого князя Алексея Александровича адмирала К.Н. Посьета, знавшего закавыки в воспитании «принцев крови». Но воспитательную систему Посьета он нашел слишком узкой, полной чрезмерной строгости и вызывающей скуку у воспитанника. Можно говорить об изначальном непрофессионализме Арсеньева, но педагогическая рассудительность, интуиция и такт были ему свойственны. Он правильно понял, что еще до переходного возраста необходимо внушить ребенку любовь к добру, уважение к человеческому достоинству, так чтобы достоинство великокняжеское воспринималось призыванием к сугубому служению Отечеству и людям, заботе о бедных, вежливости и простоте обращения с ближними. Арсеньев был против выговоров и наказаний, вводя в обучение элемент занимательности, окружив ребенка атмосферой любви. Не переламывать натуру, а заинтересовывать – вот его воспитательное кредо. И, отрицая педагогический деспотизм, Арсеньев приближался к системе К.Д. Ушинского, которая в то время получила распространение. Энергия души должна противостоять пороку, не сомневался он. Подобно Ф. Фенелону, воспитателю герцога Бургундского, он поучал своим примером. Сближение состоялось: «прекрасное... и чувствительное дитя» полюбило воспитателя [4, с. 404].

Выдержав предварительное испытание, Арсеньев составил воспитательную программу, которую *высочайше* утвердили. Но у педагога были критики. Один из будущих преподавателей Сергея Н.С. Таганцев утверждал, что при всей своей порядочности и любви к подопечному Арсеньев не проявлял талантов или выдающихся способностей. По мнению другого педагога – К.Д. Краевича, «воспитательное дело молодых князей было поставлено необыкновенно сумбурно» [5, с. 50].

Влияние отца, погруженного в неустанную реформаторскую деятельность, сказывалось меньше. Когда у того было время, Сергей гулял с ним в саду, после чего пил кофе с матерью и сестрой. А затем спешил в свои комнаты, к воспитателю; если тот был в отъезде, то писал ему чуть ли не ежедневно. К вящей радости ребенка Арсеньев вошел в мир его игр, уважал детские забавы и привычки. При этом он внушал Сергею нравственные достоинства, сообщал полезные сведения. В интересных играх открывалась незаурядность мальчика. Слушать чтение он тоже любил.

1 мая 1864 г. императорская чета выехала за границу с младшими детьми; при Сергее был Арсеньев. Погостив в Дармштадте, прибыли в Ниццу, где Марии Александровне предстояло лечиться. В Ницце она нашла время и на прогулки с детьми. Около их виллы, в саду, у маленького ручья, Сергей устроил свой игрушечный мир, героями которого были фарфоровые собачки – мопсы: царь, царица, их дети, министры, придворные и, конечно, войско. У ручья появилась железная дорога, домик и прочие постройки. То была игра в жизнь с ее коллизиями. С мопсом-царем Сергей не расставался и после игры, всегда нося его в кармане. Такие игры продолжались долго. В 15 лет он подарил фарфорового мопса брату Владимиру – ко дню его рождения. Но и здесь не конец. В 1874 г. семнадцатилетний Сергей отметил в дневнике: «Н.Г. Шиллинг<sup>3</sup> по моей просьбе привез из Англии (для меня) разные фарфоровые вещицы» [2, с. 251–252]. А в день своего 18-летия он пускал с Константином<sup>4</sup> мыльные пузыри: «...и это в 18 лет!?!», – удивлялся себе Сергей [2, с. 264]. Не совсем взрослым он казался и в начале 1877 г. – накануне совершеннолетия. Арсеньев не сомневался, что длительная инфантильность скорее добродетельна, чем вредна: ведь детство полно чистоты и невинности. «Разве люди не всегдашние дети!» – был убежден Арсеньев [4, с. 433]. Нужно учесть и фактор среды: особые условия, в которых росли великие князья, их известная изолированность вели к продлению инфантильности. Но война 1877–1878 гг., в которой участвовали молодые великие князья, ускорила их взросление.

<sup>3</sup> Другой воспитатель Алексея Александровича.

<sup>4</sup> Великий князь Константин Константинович, двоюродный брат Сергея и его самый близкий друг.

Зимой 1864–1865 гг. Сергей впервые сыграл в любительском спектакле; сцену и зал устроили в комнатах виллы Пельон в той же Ницце, где, находясь с детьми, все еще поправляла здоровье императрица. Актерский опыт семилетнего Сергея разделил его брат Павел и дети графа А.А. Бобринского. Дали пьесу на французском языке; ее успешность признала и Мария Александровна. Театральное искусство уже тогда волновало Сергея, став в дальнейшем большим увлечением.

Роли эстетического фактора предстояло расти. Приобщение к изобразительному искусству, музицирование, концерты, выставки... – усиливали в Сергее чувство прекрасного. Как и художественная литература, развивавшая восприимчивость к правде и истине.

Контрасты, впрочем, не миновали его: трагический мотив зазвучал. 12 апреля 1865 г. скончался брат Сергея цесаревич Николай. Перед смертью, называя родных по имени, он говорил каждому: «Прощай, прощай...» и всех, включая Сергея, поцеловал. 13 апреля вместе с Марией Александровной Сергей пришел к почившему. Внесли корзину с чайными розами, и мать украсила ими Николая. Горе Сергея соединилось с его состраданием матери. В девять лет произошла другая утрата: не стало дорогого друга Саши Гагарина. Постепенно Сергей делался все более замкнутым.

По психологическому складу он был несомненный интроверт. «Никогда или очень трудно плачет, – замечал Константин, – перенося свое горе молча, не высказываясь» [6, с. 88]. «Чувствительным, нервным» (но «деликатным») [4, с. 439] характеризовал его порой Арсеньев, что также соотносится с трагическим мотивом.

В 15 лет его воображением завладела она, неоднократно упоминаемая в дневнике. На одной из страниц нарисовано сердце, пронзенное стрелой, но сердце рисуют и те, кто любовь еще ждет. Слова о ней не слишком эмоциональны – не в пример чувственным порывам к родным. Сергей выступает галантным кавалером и рыцарем. *Прекрасная Дама* (здесь нет персонификации) ждала служения, и он не медлил. В дневнике появилась запись, что он приобрел для знакомой билет в оперу. В 17 лет подобная: «Я немного поухаживал за Мери Исаковой, которая была особенно мила» [2, с. 264]. Порой в дневнике много патетики: «Как я любил, как я страдал!» Но чувства дышали целомудрием. Разговаривать о том было не с кем. Друг его Костя узнал об интимных связях лишь на 19-м году, услышав разговор моряков на корабле. Нет сомнений и в отношении Сергея. *Прекрасная Дама* – как мечта; встречи с реальными женщинами чаще пугали. «Институтки были! О, ужас!», – признался семнадцатилетний Сергей [1, л. 81]. А вот что сообщает про институток М.К. Башкирцева: «...у них мода обожать государя и великих князей, право, они

так безупречно красивы...» [7, с. 161]. Но дело не в институтках: благоговейное отношение к Романовым было характерно тогда для значительной части российского общества.

Общение с девушками было нередким. В апреле 1874 г. он увидел в Зимнем *Машу* Озерову, спросившую, как пройти к жившей во дворце Д.Ф. Тютчевой. «Я как учтивый кавалер, – читаем в дневнике, – подхожу к ней, здороваюсь» [1, л. 80об.]... У дверей квартиры Тютчевой они расстались...

Стремление к *comme il faut*<sup>5</sup> было в его крови, и он не пренебрегал светскими манерами. *Комильфотных* людей замечал, как заметил князя Николая Щербатова<sup>6</sup>; редко такие встречаются – заключил он.

В 1870-е гг. Сергей переходит во взрослую жизнь. Нелегко прощался он с детством, называя его милым и незабвенным. В 17 лет, получив письмо от Тютчевой, к которому та приложила выписки из своего дневника за 1860–1861 гг., Сергей восторгался: «Это так перенесло меня в давно прошедшие времена!...» [1, л. 84].

«Рожденный с добрым и горячим сердцем», Сергей, по мнению Арсеньева, стал «прекрасным, чистым, добрым и благонамеренным юношей» [8, с. 582]. Он был и застенчив, что знали многие. Таким останется, повзрослев. «Очень застенчивым» [9, с. 94] нашел его историк М.М. Богословский. Великая княгиня Мария Павловна Младшая называла Сергея не только застенчивым, но и скрывающим чувства, избегающим откровенности [10, с. 18]; она же замечала в нем и неуверенность в себе. Во многом из-за застенчивости он *конфузился* на военной службе. Однажды после беседы с Сергеем в присутствии великого князя Константина Николаевича, его друг признал: «Даже Сергей нисколько его (великого князя. – В.В.) не боялся и не конфузился» [6, с. 86]. Здесь красноречиво слово «даже». Застенчивость его принимали за надменность и холодность, чему, впрочем, способствовал он сам. Стыдясь этой своей особенности, он, уже в зрелом возрасте, носил порой официальную маску (в Москве ее называли генерал-губернаторской).

Арсеньев отметил и некоторую снисходительность юноши к себе, не сомневаясь, что в атмосфере двора трудно вообще молодому, кому все улыбается, не искать наслаждений в жизни, которая перед ним открывается. Детей Александра II ограничивали, но нельзя сказать, что они были вовсе вне роскоши. В дневнике упомянуты особые блага, доступные Романовым. «Розаны и первая земляника», – записал он однажды в марте [1, л. 72]. В другом месте (Сергею уже 17): «Получили чудное вино из Крыма... даже мне нравится» [1, л. 85]. Любил он и драгоценности, отдавая предпочтение сапфирам. Подчеркнем также

<sup>5</sup> Приличный, порядочный (фр.).

<sup>6</sup> Н.С. Щербатов. (1853–1929). Служил директором Морского корпуса.

присущую ему чрезмерную сентиментальность. Но раннее приобщение к военной службе<sup>7</sup> сдерживало развитие этой особенности, формируя в Сергее мужественные черты. С другой стороны, армейский опыт противоречил его душевному складу, порождал мечту о службе морской, давая простор для романтических настроений.

В юноше воспитывали простоту, учтивость, предупредительное отношение даже к младшим дворцовым служителям. Отступление от правил тревожило его. «Я был не учтив с Г.Ф.<sup>8</sup>! Как глупо. Но больше это не повторится», – терзался Сергей в 15 лет [1, л. 3об.]. Порой его пленяли смиренные чувства. «Я хотел бы быть тысячу раз простым смертным, чем Великим князем...», – вырвалось из его сердца в 1876 г. [2, с. 312]. И здесь видится фактор воли, а также воздействие внешней среды, которая с распространением терроризма становилась все более враждебной.

Арсеньев не считал воспитанника оранжерейным цветком, и потому расширял круг его знакомых. Осенью 1875 г., когда Мария Александровна была в отъезде, Сергей часто навещал Арсеньевых, охотно принимавших гостей. Общение здесь было естественнее – не в пример императорским приемам с их придворным этикетом и грубой лестью, кружившей голову *принца*. В гостях у Арсеньевых Сергей общался с людьми на равных, и это был важный опыт. «Какое счастье, когда можно говорить откровенно, без предосторожностей...» – восхищался он однажды [11 с. 245]. И нет сомнений, что иным устоям *августейшего* рода противилась его душа. Он был часто в состоянии внутренней борьбы, о которой мало кто знал.

По мнению Арсеньева, сердечные чувства воспитанника были всегда удовлетворены, хотя здесь преувеличение. Большая часть его детства и юности прошла в роскошном Зимнем дворце – огромном, но тесном для души. Не всем казалась благом такая жизнь. Вот что ощутил Константин: «Зимний дворец – совершенный ледник, все его обитатели – ледяные сосульки» (цит. по: [12, с. 58]). Но взгляд этот сильно субъективен: уже Сергей являл неравнодушие.

Не может не впечатлять чуткость юноши, сопереживавшего горечи и неудачи других. «Бедный Петюша очень опасно болен... скарлатина» – это о семилетнем кузене Сергея [1, л. 10об.], «Д.С. приехал... и вдруг получил депешу, что сестра его умерла!.. ужасный удар для него», а это о Д.С. Арсеньеве [1, л. 13об.]. О том, что значила для педагога сестра, великий князь был осведомлен: она любила брата «столь нежно, столь матерински» [4, с. 268]. Переживания супруги Арсеньева – Варвары Владимировны (часто упоминаемой в дневнике) также были ему не чужды. Он знал, что она преждевременно потеряла отца – егермейстера

В.Я. Скарятин<sup>9</sup>, случайно убитого на великокняжеской охоте. «Благородный» [4, с. 436] Скарятин часто снился Сергею, и Арсеньева, наверняка, была в курсе того, ведь с Сергеем вела регулярные беседы, заключив, что он любил ее отца. Примеров таких достаточно много. Но он умел не только сопереживать, но и сорадоваться, что сложнее. Так, не раз любовался он новорожденным первенцем Арсеньевых, и искренняя радость Сергея не была сокрыта от них. Более того, он радовался благим переломам в окружающих. Как при встрече (после пятилетней разлуки) со своим сверстником *Сандро* – Александром Баттенбергским, также из рода Романовых. «Вот перемена!» – воскликнул он [1, л. 18об.]. Признания Сергея не рожают сомнений: о его «удивительной искренности» – говорил один из его преподавателей – В.П. Безобразов [13, с. 21].

Налицо признаки русской ментальности. Но было ли сильным национальное влияние? Думается, что отголоски славянофильского движения в известной мере влияли и на Романовых. Как сообщил сам Сергей, в 1873 г. в Зимнем пел «певец былин – наш русский рапсод, бард... Я нахожу, что это интересно» [1, л. 3об.]. Блины на масленице, хлеб-соль на брачных церемониях... – да, примеры, конечно, есть. Один особенно впечатляет: «Будь я царем – немедленно выбросил бы все иностранные наименования», – заявил его друг Константин [6, с. 105]. Итак, уже понятно: русское влияние в Зимнем было существеннее, чем в обычной знатной семье. Свою роль в русском воспитании сыграла графиня А.Д. Блудова, устраивавшая для Сергея и Павла специальные вечера – с целью привить им русское направление. (По мнению фрейлины А.А. Толстой, Блудова заботилась только о других.) «Следуя указаниям императрицы» [14, с. 121–122], братья подчинились воздействию графини. С.Д. Шереметев понял, что здесь «значительное влияние оказал и воспитатель их из того же славянофильского лагеря – ... Д.С. Арсеньев» [14, с. 121–122].

Упомянем также православные праздники. В святки и на пасхальной неделе у Сергея не было занятий; он развлекался и в масленицу, воскликнув однажды: «Как мы наслаждались!» [1, л. 39]. Кого-то подобная фраза смутит. И будет несправедливо не сказать подробнее о религиозной составляющей его бытия, ведь высших радостей он искал на духовных путях.

Первостепенную роль здесь сыграла не система образования и воспитания, а та среда, где Сергей жил, та духовно-культурная обстановка. Подтверждает Тютчева: «Я никогда не понимала, как удалось внушить этим... детям (Александра II. – В.В.) чувство приличия, которого никогда нельзя было бы добиться от ребенка нашего круга; однако не приходилось прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно вос-

<sup>7</sup> Его приписали к Преображенскому полку.

<sup>8</sup> Г.Ф. Вегнер, преподаватель Сергея.

<sup>9</sup> Придворный цесаревича Александра Александровича.

принималось ими с воздухом, которым они дышали» [15, с. 50]. Укажем вновь влияние Марии Александровны, о чем сообщил Александр III: «Мама постоянно нами занималась, приготавливала к исповеди... своим примером и глубокой... верой приучала нас любить и понимать христианскую веру... Благодаря Мама мы все... сделались... истинными христианами и полюбили... Церковь» [3, с. 97]. Императрица беседовала перед исповедью с каждым ребенком отдельно и даже напоминала им неблагоприятные их поступки. Находила время и на чтение с детьми книг духовного содержания.

Отметим также роль Тютчевой. Ее усилиями ребенок был огражден от излишеств – маленького Сергея учили молиться, а не потакали сиюминутным прихотям. Однажды она внушала Сергею: «Вы не можете себе представить, как в том высоком положении, которое Вы занимаете, находясь у всех на виду, Вам благодарны за чистый, строгий, умеренный образ жизни» (цит. по: [16, с. 181]). Исключительность своего положения, наставляла Тютчева, нужно оплачивать исключительными – христианскими качествами.

Подобную позицию имел и Арсеньев. Целью своей педагогики он взял привитие христианских добродетелей, под коими разумел требовательность человека к себе, постоянное молитвенное настроение и неколебимую веру. И здесь Арсеньев напоминает о педагоге тех лет С.А. Рачинском. Не умалим влияние и других. Юношу Сергея наставлял также К.П. Победоносцев: «Храните себя в правде и чистоте мысли. Во всяком движении сердца и мысли справляйтесь в совести с началом правды Божией... свято храня детскую веру, не забывайте ставить себя перед Богом...» (цит. по: [17, с. 68]).

Таким образом, воспитатели решали одинаковые задачи, и их усилия были не напрасны. Современники видели большую религиозность Сергея, доброту и благонамеренность. Вот что говорил архимандрит Антонин (Капустин): «Чистые, благие и святые души царевичей (Сергея и Павла. – В.В.) пленили меня. Это, несомненно, она, высокая, боголюбивая и смиренная христианка (Мария Александровна. – В.В.) возростила и сохранила их такими в уладу... всем, ревнующим о духе...» Изысканные качества прививались всю жизнь.

Однажды, на первой неделе Великого поста, когда масленичные развлечения были позади, он с удовлетворением признался: «Как все переменилось – так спокойно теперь» [1, л. 60об.] «Помощник и Покровитель» упомянут в дневнике уже в Чистый понедельник. А накануне поста он будто жалел о прощании с шиком: «Завтра... все кончено! – поклоны да молитвы!» [1, л. 60]. Последний восклицательный знак оправдывает Сергея; но даже если это не так, кто возразит, что вихрь развлечений закружит любого. «Кутить – так

кутить!» – заявлял семнадцатилетний Сергей накануне поста. Но важно заметить, что это «кутить» – лишь «музыка кавалергардская да чай...» [1, л. 57], и ясно, что далеко от «чая» дело не уходило.

Наступало время для духовной сосредоточенности. На первой неделе Великого поста Сергей со всей семьей готовился к причащению. Постились, однако, не слишком строго. Красноречива дневниковая запись в Великую пятницу 1875 г.: «Со среды не ем рыбы...» [2, с. 263]. Накануне причащения он ободрялся: «Только что исповедовался в церкви – так легко и приятно! Собираюсь читать *правило*» [1, л. 76об.]. На другой день: «Сегодня я сподобился причаститься Святых Таин – так счастлив и... рад». (Он исповедовался и дома, но и здесь получал большое облегчение.) Посещения храма в пост учащались. «Милая преждеосвященная обедня» [1, л. 64об.] тоже не забывалась. На Крестопоклонную неделю он молится не только за обедней, но и за всенощной: «Я ее (всенощную. – В.В.) так люблю... Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...» – признался он [1, л. 68]. Дневник в день 40 Севастийских мучеников (9 марта) начат со слова «жаворонки»<sup>10</sup>, – несмотря на петровскую европеизацию, отеческая старина жила и в царском дворце. В Лазареву субботу (накануне Вербного воскресения) Сергей был с теми, кто покупал вербы (и это царевич!) А вечером пошел на всенощную. «Ужасно длинная... – оценил он службу. – Просто устали!» [1, л. 75]. Перед нами живой человек – что еще скажешь.

С началом Страстной недели меняется и дневник: дни озаглавлены по-церковному (Великий понедельник и т.д.), светских разговоров все меньше, почти на каждой странице цитируется тропарь дня: «Се, Жених грядет в полночи...» – в Великий понедельник, «Егда славнии ученицы...» – в Великую среду («Как я люблю эту церковную песнь... Боже, сохрани и благослови меня!» – иставала его душа [1, л. 76об.]), «Благообразный Иосиф...» – в Великую пятницу («Я ужасно люблю этот напев...» [1, л. 77об.]). В Великий четверг, вечером, он слушал в храме 12 евангелий (следя за чтением по своей книге), в Великую пятницу поклонялся плащанице – причем в нескольких храмах (как и в Великую субботу). Начиная с Великой пятницы участвовал в покраске пасхальных яиц, подбирал фарфоровые яйца для подарков в Пасху. Так что к концу Страстной признавался в усталости, и это не мудрено. Но «лучше молчать и переносить все с терпением», – не сомневался он [1, л. 50об.]. Все же не будем лакировать человека. Катания, посещение концертов, другие светские утехы в пост не прекращались целиком. Но не было балов и, главное, к нему приходила духовная сосредоточенность.

И вот наконец пасхальное торжество: «великолепная» заутреня и разговение – все по церковному уставу.

<sup>10</sup> По народному обычаю в этот день выпекают 40 жаворонков из теста.

Пасхальной радостью делились друг с другом; Сергей много христосовался, причем не только с родными. Одной пасхальной заутрени было мало – посещения храмов продолжались. Высокая радость долго не покидала: яркие впечатления формировали личность. «В прошлом году сегодня была Пасха», – вспоминал он в апреле 1874 г. [1, л. 81об.].

Главным отличием его комнаты было множество икон. С самыми любимыми он не расставался и в паломнических поездках. Любопытно, что на образе, подаренном ему в связи с бракосочетанием, были слова: «Без Мене не можете творити ничесоже». Помимо икон, в комнате Сергея хранилась полумантия преподобного Серафима – подарок матери, главное его сокровище. Не случайно день Сергея начинался с молитвы. В семь лет он молился еще вслух (Арсе́ньев слышал, насколько сосредоточенной и искренней была та молитва.)

Молитвы приносили утешение. Жизнь воспринималась непрерывным хождением пред Богом. «*Tief religiös*»<sup>11</sup>, – скажет о Сергее его супруга Елизавета Фёдоровна. Читая дневник, дивишься обилию молитвенных фраз. Почти на каждой странице – «*Benis moi, mon Dieu*»<sup>12</sup>, молитвы о родных и близких. «Все святые, молитесь Бога о нас», – вырывалось из глубины его сердца. Сергей Радонежский, Мария Египетская... – он знал многих святых. Желание молиться не покидало его. Но молиться предпочитал в храмах: в дворцовых, в Казанском соборе на Невском проспекте, Александро-Невской лавре, других храмах Петербурга, в Сергиевской пустыни близ столицы и т.д. «После обедни я отправился пилигримствовать – как всегда, по тем же местам», – не удивит и эта запись. Постепенно приходил покаянный настрой; он открывал его и по-французски: «*Pardon moi, mon Dieu*»<sup>13</sup>.

Среди отличительных черт христианского благочестия – поминовение умерших. Что до Сергея, то он помнил дни смерти и тех, кто не принадлежал к Романовым (Владимира Скарятин, Евгении Шеншиной и др.), – вспоминал ушедших молитвенно. Побывав на панихиде по великой княгине Елене Павловне, совершенной в ее спальне<sup>14</sup>, он признался: «Мне так хотелось там еще раз помолиться» [1, л. 10об.] Когда в Петербурге хоронили Евгению Шеншину, Сергей присоединился к несущим гроб, «который весь был покрыт цветами: и я этому содействовал», – не скрыл юноша [1, л. 14об.]. Понятно, что Шеншина не относилась к *августейшим*, и Романовы не обязаны были ее хоронить.

<sup>11</sup> Глубоко религиозный (нем.). – Из письма Елизаветы Фёдоровны отцу.

<sup>12</sup> Храни меня, Господи (фр.).

<sup>13</sup> Прости меня, Господи (фр.).

<sup>14</sup> Смерть великой княгини назвал печальным событием и Тургенев: по его словам, «ее дом представлял собой нечто вроде центра, а ее влияние было хорошее и полезное» [18, с. 61].

Мысли о собственной смерти тоже приходили к Сергею. В 1876 г., в девятнадцать лет, он написал «что-то вроде маленького завещания» [2, с. 318]. Но был спокоен. «Бог знает когда... Человек полагает, а Бог располагает... Чему быть, тому не миновать...», – занес он в дневник [1, л. 6, 63об.]. И здесь нужно вспомнить о покушениях революционеров на Александра II.

Между тем вера становилась все осмысленней, интерес к Писанию и богословским вопросам рос. Со временем он взял за правило читать каждое утро главу из апостольских посланий. «Какие чудные изречения!», – восторгался Сергей [11, с. 244].

Благочестие юноши состояло не только в искренней вере, молитве, глубокой воцерковленности, но и в делах милосердия. Образцом служила Мария Александровна, посвящавшая благотворительности почти всю жизнь, служа обездоленным поистине жертвенно (императрица отказывала себе в лишнем платье, чтобы иметь больше средств для бедных). Иные дела милосердия он совершал по поручению матери. «Едем к Бажанову<sup>15</sup> – отдать ему подарки Мама», – записал великий князь в 1872 г. Влияние ее на нравы сына сочеталось с действием наследственного фактора.

Для многих представителей *высшего* общества благотворительность была тогда нормой. Что до Романовых и их придворных, то они благотворили не только в столицах. Во время отдыха в Крыму устраивали благотворительные базары. «Все наши дамы продавали, – поведал Сергей о таком базаре 1873 г., – это было очень весело... выручили больше 4000 руб.» Деньги пошли на ялтинский приют. В том же году вместе с людьми своего круга он побывал на петербургском складе, где принималась помощь пострадавшим от засухи в Самарской губернии: каждый пожертвовал 250 руб. Но не единичными акциями была для него благотворительность: один из петербургских приютов закрепили за ним, и Сергей уделял ему постоянное внимание. К каждой Пасхе и Рождеству дети Александра II запасались подарками для бедных сверстников. «Приготовляюсь для елки, у меня уже много хорошеньких вещей (для малышей дворцовой прислуги. – *B.V.*)», – с удовлетворением отметил однажды Сергей [1, л. 36 об.]. На Пасхе он раздавал яйца и маленьким певчим. (Особо же воодушевлялся, делая подарки матери и другим родственникам.)

Без внимания к страждущим также не обходилось. На Пасхе 1874 г. он посетил больную англичанку *miss Ede*. Примеров вполне достаточно. Важно учесть, что благотворительность была для него велением души – и потому заботой всей жизни, нередко и тайной. В свое время его убеждал Константин: «Выдумаем дело... станем работать втихомолку, чтобы никто не заметил и не знал» [19, с. 105].

<sup>15</sup> Представитель дворцового духовенства, протопресвитер.

В духовной жизни Романовых были свои соблазны. В 1874 г. в столицу приезжал проповедник протестантизма лорд Г. Редсток. «Все наши дамы с ума сходят от него», – заметил Сергей [1, л. 67об.]. Стоит внимания и другая запись 1874 г.: «Вчера у нас были гадания, т.е. у графини... были англичане... они очень забавлялись» [1, л. 43]. О влиянии этих соблазнов на Сергея неизвестно. Что до западного христианства, то в отношении к нему он, похоже, не впадал в крайности. Однажды рекомендовал матери читать проповеди французского богослова Эжена Берсье, и та не отказалась. Но важно сказать, что принадлежавший к реформатской церкви Берсье чаще проповедовал на этические темы, не касаясь вероучительных положений.

Инославные храмы также были ему знакомы, как лютеранская церковь св. Анны в Петербурге, где в июне 1876 г. он присутствовал на отпевании герцога Мекленбург-Стрелицкого Георга. Но и это его не смутило: он был далек от протестантизма.

Взглянем на Сергея на фоне его современника Альберта, сына английской королевы, будущего короля. Поможет Литон Стрэчи: «...чем больше уроков задавали Берти, тем меньше он их выполнял; и чем тщательнее его оберегали от... легкомыслия, тем упрямее, казалось, он искал примитивных и грубых развлечений... По *требованию* (курсив мой. – *В.В.*) отца он (во время турне по Европе. – *В.В.*) вел дневник, который принц (отец Альберта. – *В.В.*) по возвращении

проверил. Он оказался потрясающе скучным: какое обилие интереснейших наблюдений можно было поместить... но их не было вообще» [20, с. 216, 232]. Что до Сергея, то он не восторгался жизнью в Европе. Привязанность к России заставляла критиковать и Англию. В 1875 г., пребывая там, он признался: «И вот хваленая английская жизнь! Какой материализм, думают только о том, как поесть и поспать, поесть и поспать!!! Целый день, право, ничего, ничего не делают... совершенно светская жизнь!» [2, с. 257]. «Все они скоты...», – заявил он об англичанах в 1876 г. [2, с. 303]. А ведь низкопоклонство перед Западом процветало среди русской знати...

Тяжелые испытания ждали Сергея: безвременная кончина матери, вторая женитьба отца и его убийство... В испытаниях и завершилось в основном нравственное формирование великого князя.

Остается подчеркнуть главные факторы, влиявшие на его первоначальное становление. Во-первых, это влияние матери, кого современники почитали святой. Во-вторых, среда, в которой он жил. И, в-третьих, роль педагогов. Но не исключительности положения обязан он своими достоинствами (по крайней мере, не только). Жизнь дает шанс каждому.

Последовательность факторов во многом условна. Не будем преувеличивать их действие: волевая личность им может противостоять. А верующий скажет и о помощи свыше.

## Библиографический список

1. Государственный архив РФ. – Ф. 648. – Оп. 1. – Д. 20.
2. Великий князь Сергей Александрович Романов : биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. – М., 2006.
3. Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Переписка. 1884–1994 гг. – М., 2001.
4. Из записок адмирала Д.С. Арсеньева. 1862–1865 // Русский архив. – 1910. – №10.
5. Белоусова М.А. Августейший воспитанник и его педагоги // Московский журнал. – 2005. – №2.
6. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. – М., 1998.
7. Башкирцева М.К. Дневник. – М., 2001.
8. Из воспоминаний генерал-адъютанта адмирала Д.С. Арсеньева // Русский архив. – 1911. – № 12.
9. Богословский М.М. Воспоминания о Москве и москвичах XIX–XX веков // Москва в 1870–1890-х годах. – М., 1997.
10. Мария Павловна. Мемуары. – М., 2004.
11. Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. – М., 2007.
12. Вострышев М.И. Августейшее семейство России глазами великого князя Константина Константиновича. – М., 2001.
13. Безобразов В.П. Воспоминания // Былое. – 1907. – Сентябрь.
14. Мемуары графа С.Д. Шереметева : в 2 т. – М., 2004. – Т. 1.
15. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. – Тула, 1990.
16. Гришин Д.Б. Устроитель Москвы // Москва. – 1995. – №9.
17. Секачёв Василий, священник. Великий князь Сергей Александрович: тиран или мученик? // Нескучный сад. – 2005. – №3 (14).
18. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Т. 9: Письма. 1871–1872. – М. ; Л., 1965.
19. Волгин И.Л. «В виду безмолвного потомства...» Достоевский и гибель русского императорского дома // Октябрь. – 1993. – №11.
20. Стрэчи Л. Королева Виктория. – Ростов-на-Д., 1999.